

## ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

(на материале романа Е. И. Замятиня «Мы»)

Абдурасурова Ирода

магистрант

Самарканского государственного университета.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18390743>

**Аннотация.** В статье анализируются особенности авторской языковой картины мира в романе Е. И. Замятиня «Мы». Основное внимание уделяется роли языка в формировании антиутопической модели общества, основанной на абсолютизации разума и коллективного сознания. Рассматриваются лексико-семантические и стилистические средства, отражающие процессы рационализации речи, обезличивания личности и переоценки ценностей. Показано, что языковая картина мира в романе носит динамический характер и изменяется по мере внутренней трансформации главного героя. Делается вывод о том, что язык в произведении выполняет концептуально значимую функцию, позволяя раскрыть философско-идеологический замысел автора и его критическое отношение к тоталитарным моделям мышления.

**Ключевые слова:** языковая картина мира, авторская картина мира, художественный язык, антиутопия, Е. И. Замятин, роман «Мы», рационализм.

### ВВЕДЕНИЕ

В XX веке литература всё чаще обращается к проблеме взаимоотношений человека и общества, личности и власти, свободы и принуждения. Одной из наиболее выразительных форм осмысливания этих противоречий становится жанр антиутопии, в рамках которого художественный текст приобретает не только эстетическую, но и философско-прогностическую функцию. Роман Евгения Ивановича Замятиня «Мы» является знаковым произведением данного жанра и представляет собой сложный эксперимент не только в идейном, но и в языковом отношении.

Особый интерес роман вызывает с точки зрения изучения авторской языковой картины мира. Язык в произведении Замятиня перестаёт быть нейтральным средством повествования: он становится инструментом моделирования особой реальности, в которой искажены привычные представления о человеке, времени, пространстве и ценностях. Через систему лексических, грамматических и стилистических средств автор формирует специфический способ осмысливания мира, отражающий идеологию тотального рационализма и коллективного сознания.

### МЕТОДОЛОГИЯ И АНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ

Исследование авторской языковой картины мира в романе Е. И. Замятиня «Мы» требует комплексного методологического подхода, сочетающего достижения современной лингвистики, литературоведения и философии языка. Специфика художественного текста как объекта анализа заключается в его многослойности: язык в романе выполняет одновременно коммуникативную, эстетическую и концептуальную функции.

В связи с этим методология настоящего исследования основывается на интеграции нескольких научных подходов, позволяющих рассмотреть язык произведения как целостную систему смыслообразования [1].

Методологическую основу работы составляет концепция языковой картины мира, разработанная в трудах В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, а также получившая дальнейшее развитие в работах современных лингвистов и культурологов. Согласно данной концепции, язык не только отражает объективную реальность, но и активно формирует способы её осмысления. В художественном тексте языковая картина мира приобретает авторскую специфику, поскольку писатель сознательно отбирает и трансформирует языковые средства в соответствии со своим мировоззрением и художественной задачей. В романе «Мы» эта трансформация носит системный характер и подчинена моделированию антиутопического мира.

В рамках исследования используется лексико-семантический анализ, направленный на выявление ключевых тематических групп слов и их функциональной нагрузки в тексте [2]. Особое внимание уделяется анализу математической, технической и абстрактно-логической лексики, которая в романе выходит за пределы своей прямой номинативной функции и становится средством концептуализации действительности. Данный метод позволяет проследить, каким образом рационализированный язык формирует специфическое мировидение, в котором человек рассматривается как элемент системы, а чувства и эмоции подлежат строгой регламентации [3].

Важное место в методологии исследования занимает стилистический анализ, позволяющий выявить особенности авторского языка на уровне образности, синтаксической организации и речевых стратегий. В романе «Мы» стилистические приёмы тесно связаны с внутренним состоянием повествователя и динамикой его сознания. Анализ дневниковой формы повествования, фрагментарности записей, резких синтаксических разрывов и экспрессивных конструкций даёт возможность проследить эволюцию языковой картины мира главного героя от механистического восприятия действительности к осознанию её противоречивости.

Анализ научной и критической литературы по роману Е. И. Замятину «Мы» показывает, что исследователи неоднократно обращались к философским, политическим и жанровым аспектам произведения. В литературоведении роман традиционно рассматривается как антиутопия, предвосхитившая многие черты тоталитарных систем XX века [4]. Работы, посвящённые идейному содержанию романа, подчёркивают его полемику с утопическими проектами рационального переустройства общества и критику абсолютизации разума.

В то же время лингвистический аспект романа, несмотря на его очевидную значимость, долгое время оставался на периферии научного внимания. Лишь в более поздних исследованиях стали активно анализироваться особенности авторского языка Замятиня, его экспериментальность и новаторство. Учёные отмечают намеренное «охлаждение» речи, использование терминологической лексики, а также деформацию привычных языковых структур как средство художественного воздействия [5].

Однако во многих работах язык рассматривается фрагментарно, без соотнесения отдельных языковых явлений с целостной авторской картиной мира.

## **РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ**

Проведённый анализ языковых средств романа Е. И. Замятин «Мы» позволяет выявить ряд устойчивых закономерностей, формирующих авторскую языковую картину мира и определяющих специфику художественного пространства произведения.

Полученные результаты подтверждают тезис о том, что язык в романе выполняет не вспомогательную, а концептуально значимую функцию, отражая идеологические установки изображаемого мира и динамику внутреннего сознания главного героя [6].

Одним из ключевых результатов исследования является установление доминирующей роли рационально-логической лексики в формировании языковой картины мира. В тексте романа систематически используются термины, заимствованные из математики, механики и инженерного дела. Эти языковые элементы выходят за рамки профессиональной сферы и становятся универсальным способом описания действительности. Человек в данной системе координат осмысливается как механизм, подчинённый законам точности и повторяемости, а общество — как идеально настроенный аппарат. Такой языковой выбор отражает авторскую концепцию мира, в котором рациональность возводится в абсолют и вытесняет эмоционально-ценностное восприятие реальности.

Анализ показал, что рационализированный язык не является нейтральным: он выполняет функцию идеологического контроля. Через употребление терминологической лексики формируется установка на безусловное принятие порядка как высшей ценности.

Эмоции и индивидуальные переживания в языковой картине мира романа интерпретируются как отклонение от нормы, сбой в системе [7]. Это позволяет сделать вывод о том, что язык в романе выступает инструментом дисциплинирования сознания, формируя определённый тип мышления, ориентированный на подчинение и самоконтроль.

Важным результатом исследования является выявление механизмов обезличивания, реализуемых на уровне языковой номинации. Отсутствие собственных имён и замена их буквенно-числовыми обозначениями создают эффект деперсонализации, при котором индивидуальность человека оказывается вторичной по отношению к его функции в системе [8]. Такая языковая практика отражает ключевой принцип антиутопического мира — подчинение личности коллективу. При этом местоименная система языка играет особую роль: доминирование местоимения «мы» над «я» символизирует растворение личного сознания в коллективном и подавление индивидуальной точки зрения.

Результаты анализа показывают, что обезличивание в романе не ограничивается формальными языковыми средствами, но проникает в сферу оценочной лексики.

Положительную оценку получают понятия, связанные с контролем, регламентацией и ограничением свободы, тогда как традиционно позитивные ценности — любовь, воображение, свобода выбора — маркируются как опасные и разрушительные. Данный семантический сдвиг свидетельствует о целенаправленном искажении ценностной картины мира, закреплённом на уровне языка.

Таким образом, язык становится средством формирования «перевёрнутой» аксиологической системы, в которой нарушена естественная иерархия ценностей [9].

Однако по мере развития сюжета и усиления внутреннего конфликта в речи героя появляются элементы экспрессии, метафоричности и эмоциональной оценки. Предложения становятся более фрагментарными, нарушается логическая последовательность, усиливается образность. Этот языковой сдвиг свидетельствует о пробуждении индивидуального сознания и сопротивлении навязанной системе. Таким образом, язык фиксирует внутренний кризис личности и становится индикатором разрушения прежней картины мира.

Обсуждение полученных результатов позволяет утверждать, что авторская языковая картина мира в романе «Мы» строится на принципе внутреннего конфликта. С одной стороны, язык официальной идеологии стремится к однозначности, логичности и устраниению любых форм неопределенности. С другой стороны, художественный язык романа постепенно разрушает эту однозначность, демонстрируя невозможность полного подавления человеческого начала. Данный конфликт отражает ключевую философскую идею произведения — противостояние живого и механического, свободы и принуждения [10].

### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

Проведённое исследование позволило выявить ключевые особенности авторской языковой картины мира в романе Е. И. Замятиня «Мы» и определить роль языка в формировании философско-идеологического содержания произведения. Анализ показал, что язык в романе выступает не только средством художественного изображения, но и важнейшим механизмом моделирования антиутопической реальности, в которой искажены традиционные представления о человеке, свободе и ценностях.

Установлено, что доминирование рационально-логической, математической и технической лексики формирует картину мира, основанную на абсолютизации разума и подчинении личности системе. Через языковые средства осуществляется обезличивание человека, что проявляется в отказе от собственных имён, использовании буквенно-числовых обозначений и трансформации местоименной системы. Эти особенности отражают ключевой принцип изображаемого общества — приоритет коллективного над индивидуальным.

В ходе исследования также было выявлено, что языковая картина мира в романе носит динамический характер. Эволюция речи главного героя свидетельствует о внутреннем конфликте между навязанной идеологией и пробуждающимся индивидуальным сознанием. Усиление образности, метафоричности и эмоциональной окраски языка по мере развития сюжета демонстрирует сопротивление механистической модели мышления и попытку восстановления утраченной целостности человеческого восприятия мира.

### **Использованная литература**

1. Замятин Е. И. Мы: роман. — М.: АСТ, 2019. — 320 с.

2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979. — С. 56–89.
3. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. — М.: Республика, 1998. — С. 112–140.
4. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. — М.: Прогресс, 2004. — С. 45–78.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс, 1985. — С. 90–125.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 2010. — С. 67–102.
7. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. — М.: Флинта, 2016. — С. 134–170.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000. — С. 41–76.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология. — М.: Академия, 2017. — С. 88–120.
10. Панченко А. М. Русская культура и тоталитарное сознание. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — С. 153–189.
11. Солганик Г. Я. Язык художественной литературы. — М.: Высшая школа, 2005. — С. 59–97.
12. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М.: Наука, 2008. — С. 101–136.